

Нет ничего хуже безделицы, когда не знаешь, куда себя приложить и за что взяться. Слышал Мих, что дворяне подобное называют щегольским словом «сплин», однако не одобрял. Канайского верблюда хоть коровой славийской обзови, больше молока с него не выдоишь. Это хорошо в первый день было чем заняться – за доктором сбегал, с хозяйкой немного полаялся, в полицмейстерстве о внезапном недуге господина сообщил. На последнее от самого Константина Никифоровича (к обер-полицмейстеру все же не пустили) получил облегчительное позволение лечить титулярного советника «до полного выздоровления и не торопиться, у Витольда Львовича ныне бессрочный больничный».

Повезло все же с начальством. Что Его превосходительство – умный, хватку не растерявший, что Его высокородие Константин Никифорович – кренделя не выписывает, не выслуживается, льстивости в нем нет, даже холодность порой видится, но из деловых людей. Редко такое бывает. Обычно чем больше у человека (прочих, кстати, тоже касается) власти, тем он дурнее становится. А ежели с самых низов в верхушку внезапно забрался, то совсем плохо дело. Этого орчук повидал.

Вот и выхаживал Мих, значит, по приказу вышестоящего чина своего господина (признаться, он бы и без всяких распоряжений так поступил – Витольда Львовича не оставишь, тот же как ребенок). И ладно, если знать чего делать. Ходил орчук за чахоточным стариком, что все же преставился, земля ему пухом, видел лихорадку, знал и холерных. Но доктор отрезал – болезнь магического свойства, даже вон симптомы (у Витольда Львовича к тому времени рука баловалась – то исчезнет, то появится). А как такие лечат? Никак. Должно время нужное пройти.

Ну хоть к вечеру Меркулову полегче стало. Забылся тревожным сном. Изредка проснется, пить попросит, так Мих из того большого чайника, что в хозяйстве господина нашел, и поднесет. Наутро засобирался, но орчук отрезал – никаких походов, даже слова Константина Никифоровича передал о «полном выздоровлении». Витольд Львович было сопротивляться стал, но тут на шум прибежала и карга старая, в лице которой Мих неожиданно нашел самого преданного союзника. Более того, пока хозяйка ругалась с титулярным советником, орчук успел сбегать в трактир и принести самой разной еды: наваристых щей, пожарских котлет, парной телятины, макуны и даже остаток молочного поросенка (но это уже для себя). Вышло не пример дешевле, чем в той же ресторации. Витольд Львович пощипал отовсюду совсем по чуть-чуть и снова спать лег, а Мих, удовлетворенный хоть таким скудным аппетитом, с удовольствием отобедал всем остальным.

К вечеру и вовсе случилось чудо – прибыл посыльный от сапожника с большим свертком. Вручил и убежал, будто Мух испугавшись. Орчук осторожно развернул пакет и охнул, даже глаз повлажнел от чувств. Настоящие сапоги, чуть потертые, явно переделанные из старой кожи, намного шире обычных, но настоящие сапоги. Его, Муха. Красота, да и только. Голенище высокое, подобное от чего только можно и нельзя защитит – и от порохового ожога и от удара несильного, опять же, ноги всегда в сухости. Примерил прям так, по-босому. Чуток жмут, но ничего. Бог не выдаст, свинья не съест, разносим. Теперь лишь бы господин быстрее поправился.

Господь будто услышал невысказанную просьбу полукровки. К утру третьего дня Меркулов встал на ноги и с невероятной твердостью в голосе заявил, что полностью поправился. Мих провел проверку, сбегав все в тот же трактир. И глядя, как Витольд Львович с невероятным аппетитом уплетает горку горячих румяных блинов, заедая пирогом с осетриной, пододвинул тому кувшин с квасом и заключил – здоров.

После завтрака, который Витольд Львович назвал «плотным», Меркулов взялся за газету (это

было самое странное, но неукоснительное правило господина: даже в период его слабосилия приходилось покупать «Моршанские ведомости»).

- Мальчишка сказал, только напечатали.

- Вижу, - пробежал глазами Меркулов по первым строчкам, и на губах его заскользила мимолетная улыбка.

- Нечто об чем интересном прочитали, господин? - Спросил Мих.

- Вот ведь, двух дней не прошло, а Александр Александрович уже все исполнил. Слушай... «Все ценности были обнаружены на складах, принадлежащих некоему фабриканту Н. Последний объявлен в розыск. В ближайшее время все похищенное будет перемещено в главное хранилище при Моршанском полицмейстерстве и потом уже возвращено в Первый императорский музей».

- Его превосходительство большого ума человек, - согласился Мих, - он и Его высочордие Константин Никифорович.

- А мне, признаться, полицмейстер не нравится. Настораживает он меня.

- Чем же, господин?

- Не могу объяснить, вроде предчувствия.

- Надумываете, Витольд Львович. Я с ним общался мало-мальски, а уж Михайло Бурдюков в людях разбирается.

Меркулов неуверенно пожал плечами, но было видно, остался он явно при своем мнении.

- Ты вот что, Михайло, сбегай к старьевщику, возьми себе одежды самой плохенькой.

- Это еще зачем, господин? Хороший мундир.

- Вот именно что и мундир. Сбегай, говорю. Хорошо, возьми обычную одежду, не слишком плохую, но и недорогую.

- Так у старьевщиков разве есть дорогая? - Нахмурился Мих, но приказание исполнил.

Через четверть часа стоял перед Витольдом Львовичем в портках и залатанной льняной рубахе, с тоской глядя сапоги - для них он даже портянки заготовил.

- Замечательно, я бы сказал изумительно. Эх, жалко клыков у тебя нет, ну ладно.

- Вы хоть скажите, чего делать?

- Дорогой объясню. Теперь вот что, давай в трактир, возьми водку какую-нибудь.

- Какую, господин?

- Я не разбираюсь, да и какая разница.

- Не скажите, их видов она сколько. Есть ангеликовая, анисовая, бадьяновая, вересовая, зорьяная, карлуковая, что чистоты особенная, кориандровая, лимонная, померанцовая...

- Да понял, понял, возьми любую, что покрепче и подешевле.

- Значит, хинную, - кивнул Мих. - Дале что?

- Жди меня на улице у трактира.

Сказано - сделано. Сходил орчук туда же, где давеча завтрак для господина брал, взял бутылку хинной, даже передернулся, представив запах оной, и вышел наружу. Ждал долго, пока не подкатил закрытый экипаж купейного типа.

- Михайло, давай внутрь.

Орчук открыл дверцу и оторопел. Поклясться мог, что голос господина слышал, однако внутри никого не было. Посмотрел на кучера, тот ответил не менее недоуменным взглядом, не понимая, чего полукровка на него пялится.

- Извини, - внутри вдруг обнаружился сидящим Витольд Львович, причем на его лице сияла редкая для вечно озабоченного титулярного советника улыбка, - не смог удержаться. Я вот новую способность практикую.

- Это замечательно, - хмуро ответил Мих, влезая внутрь и с трудом закрывая за собой дверцу. Вышло в купе тесновато. - И давно вы это... полностью исчезать стали?

- Да вот только что. Шел мимо стеклянной витрины и подумал, почему бы нет.

Витольд Львович качнулся от резкого толчка, и экипаж сорвался с места.

- А зачем купе взяли? Бричка дешевле.

- Во-первых, никто не должен видеть, что ты въезжаешь в Захожую слободу. По моей легенде, ты вообще в колясках и каретах не едешь. А если пешком пойдешь, неровен час на орков полнокровных нарвешься. Я слышал, они орчуков православных не очень жалуют. Во-вторых, чтобы меня не видели. Это тоже немаловажно. В-третьих...

- Что за легенда-то?

- Итак, слушай основное, Михайло.

Говорил Витольд Львович много, но все по делу. Как обычно выходило все у него ладно, Мих бы до подобного сроду не додумался, а Меркулов, светлая голова, - воно что, запросто. И ведь самое интересное, опыта у него в полицмейстерском деле никакого, но все же размышляет здраво, точно по полкам в лавке все раскладывает.

- Самое важное, - заметил он, когда они вкатили уже в Захожую слободу. - Не называй эльфийца эльфийцем.

- Да как же этих ушастых пройдох называть еще?

- Эльфариец, эль-фа-ри-ец, - медленно повторил Меркулов. - И еще вот что, откупори бутылку.

Витольд Львович чуть побрызгал горькую на рубаху, потом протянул орчуку. Как не любил Мих хинную, но пришлось сделать несколько глотков. Занюхал успевшей пропотеть рубахой и шумно выдохнул.

- А то пойдешь к эльфийцу с целой бутылкой. Лучше сразу сказать, что из полицейского ведомства. Ну давай, я здесь встану, а ты чуть что, возвращайся.

Витольд Львович постучал, и кучер остановил экипаж. Мих тяжело выбрался и закрыл за собой дверь. Это они удачно сюда свернули. И не проспект вовсе, скорее закоулок, далекий от важных домов. Да и в Захожую въехали ныне с другой стороны, от орков противоположной, дабы не допустить Господь чего.

Вышел Мих на одну из улиц, тут он плохо ориентировался, вроде Лаврушенская, и начал оглядываться. Эльфийцев, точнее эльфарийцев, здесь было в избытке, но надобно было найти подходящего. Этому Витольд Львович тоже научил. Позыркал орчук по сторонам и заметил одного, безобразно толстого, со спутанными волосами, в грязной одежде. Хоть и трезв, но по общим признакам именно сейчас ощущает в себе крайне болезненное состояние. К нему и направился.

- Эльфариец, не знаешь, в какую сторону дом аховмедской делегации, что с человечешками приехали мир заключать?

Сам бы так Мих никогда не сказал. О людском роде орчук никогда пренебрежительно не отзывался. Как бы плохи не были, так он часть их. И пусть говорят об орчьей крови, так и Бурдюковская жила в нем есть. Но это Бог с ним. А вот как заметил Меркулов, сразу бы допустил промашку, назвав длинноухого эльфийцем, за что они уж это прозвище не взлюбили? И теперь, только он нужным приветствием обозначился, длинноухий ноги подобрал, осмотрел его всего, разве что глазами не раздел, уцепился за рубаху оттянутую, где бутылка схоронилась, да ответил.

- Недалече. А зачем же тебе, добрый сын Орды, эти козлоногие?

Про себя Мих усмехнулся - эльфийцы такие: и нашим, и вашим за копейку спляшем, но вместе с тем никого не уважающие. За глаза и его бы назвал зеленокожим болваном.

- Слышал, работники им требуются моего размера.

С этими словами орчук нарочито медленно вытащил горькую, выбил пробку и сделал глоток. Глаза остроухого надо было видеть. Напоминал он купца, у которого разом решили скупить весь товар в небазарный день. Такая жажда в оном, жуть.

А ведь, кабы не эта злосчастная особенность, то стали эльфарийцы первыми среди прочих и людей. В торговле и законному стяжательству равных им не было, в чем орчук сам убеждался. Но редко кто из длинноухих боролся с пагубной привычкой пьянствовать. Как они только не ополчались на нее. Слышал Мих, что в самой Эльфарии отворотные слова от зеленого зелья придумали, а еще поговаривали, вроде под кожу даже что вшивали, мол, выпьешь и умрешь сразу. Только помогало мало.

Говорили так же, что до того, как эльфийцам проклятушие люди брагу, водку и прочее паршивое пойло открыли, они и внешне были другие. Вроде как рослые, стройные да жили по сотни и больше лет. Конечно, может, и сказки, но Мих подобные рассказы одобрял. Потому что многие беды от попоек происходили.

Были, конечно, и те, кто вовсе дьявольского пойла не употреблял. Такие становились первыми купцами, что в своем государстве, что в других. Только подобных эльфийцев было ох как мало, даже в Славии корабейничавшие любили и в православные праздники, и на шаманские, и на свои попить. В общем, ни одного знатного повода не пропускали. А бывали и такие, что без

причины были горады налакаться. Как этот вот.

- Так скажешь, куда к аховмедцам идти? Или, может, о самих что молвишь?

- Хорошему орку отчего не сказать. Только горло бы промочить.

Бутылка оказалась в цепких руках эльфийца, и тот неторопливыми глотками стал пить хинную, будто настойкой сладкой наслаждался. Миха аж пробрало.

- Хороша, - на четверть «пригубил» бутылку длинноухий. - Аховмедцы, говоришь. Не ходил бы ты туда, сегодня хотя бы.

- Отчего ж?

- Хмельных больно не любят. Палками поколотят или кнутом угостят.

- Да? Вот не знал, - удивленно почесал затылок Мих.

Врал орчук сейчас спокойно. Только дурак полный не слышал, что козлоногие резких запахов на дух не переносят, если только вино горячее, сладкое, так где его в Славии такое найдешь? В другой раз, перед другим прочим, может, и засовестился Мих так врать, но перед ним был эльфиец, к тому же самого дрянного пошиба.

- Смотрю, ты ничего, зря на эльфариюцев наговаривают, - подал бутылку Мих.

Длинноухому только того и надо было, схватил и тут же снова приложился. Уже не такими большими глотками, да и выпил меньше.

- Почему же хороший эльфариец хорошему орку помочь не может. Тем более если это ничего не стоит, - язык длинноухого стал немного заплетаться, а глаза заблестели.

- Да я вот все думал, идти не идти, слышал, не любят их сильно. Одного тут даже недавно зарезали.

- Было дело, - кивнул эльфиец, глядя, как Мих сделал глоток горькой (пить орчуку вовсе не хотелось, но Меркулов наказал себя не выдавать), - вечером шпагой проткнули.

- С чего решил, что шпагой-то?

- Так Элариэль убийца видел, - длинноухий получил бутылку и снова приклеился к ней, - говорит, шел козлоногий. Тут к нему в черном этот метнулся.

- В черном?

- Ага. Весь завернут, хотя погода видал какая. Ростом вроде из наших, только двигается очень уж странно. Вот, значит... - эльфиец удрученно посмотрел на хинную, оставшуюся на донышке, - и глядит Элариэль, на груди козлоногого блестнуло что. Потом уже понял, кончик шпаги наружу вышел. Ну и все... аховмедец завалился, захрипел, а этот, в черном который, юрк - и нету его уже.

- А походка у него не такая, будто подпрыгивает при каждом шаге?

- Я почем знаю? - Эльфиец пожал плечами. Будь он чуть потрезвее, подивился, откуда орчук может знать, как убийца ходит, а теперь лишь отмахнулся. - Я ж не видел. Думается, влезли

эти аховмедцы куда не следует...

За те несколько минут, пока они чесали языками длинноухий успел не только почти допить бутылку, но и довести себя до крайне непотребного состояния. Орчуку горькая была поверхностна, все же с его комплекцией упиться такой мерой тяжело, а вот эльфийцу даже с лихвой. Понял Мих, что разговор почти заканчивается.

- А где этот Элариель?

- Так в... Толмачевском и сидит... ик, прошу прощения. У крайнего дома, что на Никольский переулок выходит.

Мих оставил совсем уже оловелого эльфийца и двинулся в нужном направлении. Заходяя Слобода жила своей размеренной жизнью. Ее обитатели, пришлые прочие, большей частью двинулись в город: на заработок, решать деловые вопросы или попросту, как некоторые эльфы, чиграшить. Хотя те называли это не иначе как «заниматься карманной выгрузкой лишнего добра». Опасался орчук, что и Элариель окажется не столь ленив, возьмет да отправится заниматься мелким воровством.

Но повезло, аккуратно на углу Толмачевского и Никольского переулков стоял, облокотившись плечом о стену, эльфиец с самым вороватым видом, какое можно было придумать. Других представителей ушлого народа не было, потому Мих направился напрямик к нему.

- Элариель, старый хрыч, еле нашел тебя.

- Может, для вас, орков, мы все на одно лицо, - презрительно отвечал тот, - но для нормальных народов все же отличаемся. Да и как меня можно перепутать с Элариелем, у него нос свернут, от вашего кочевого брата, кстати, глаз правый на половину всегда прикрыт.

- Да, обознался, - понял Мих, что перед ним явно не свидетель преступления. - А Элариель куда запропастился?

- В город ушел. Вечером будет или к ночи ближе.

Орчук удрученно покивал головой и, не прощаясь, поплелся обратно. Добрался до стоящего в отдалении купе, покрутил головой - никто ли за ним не наблюдает - открыл дверь и забрался внутрь. Витольд Львович терпеливо подошел, хотя занимал не так много места, и Мих уселся. Сразу и без обиняков принялся рассказывать все, что удалось выведать.

Само собой, даром повествования, какой у господина был, орчук не обладал. Постоянно сбивался, запинаясь, подыскивая нужное слово, и вспотел с ног до головы, пока все поведал. После уже добавил, как столкнулся с закутанным в черное человеком (хотя человеком ли?) подле полицмейстерства.

- Интересно, - тихо стал рассуждать Витольд Львович, - стало быть, одно из двух: либо этот Инкогнито следил за нами до самого казенного учреждения, либо прибыл туда по своему делу. Тут тоже много странностей.

- Каких?

- Если он следил за нами, а такое возможно, интересовался расследованием, то зачем путался под ногами?

- Наушничал или стащить чего хотел.
- Не отвергаю эту версию, но мне она кажется уж слишком надуманной.
- Так почто ему в полицмейстерство наведываться?
- А вот это очень хороший и интересный вопрос. Помнишь, о чем сказал великий князь?
- Он о многом говорил, - уклонился Мих.
- Обмолвился Его Высочество, что Александр Александрович немолод уже, и всякая гниль подле него могла прорасти. И это он явно не случайно сказал, не выдумал.
- Думаете, убивец к сообщнику наведался, а тот из...
- Пока подозреваемый, - поправил его Витольд Львович. - Гоблиарцы, охочие до всяких выдумок, создали особый закон, по которому, если вина человека или прочего существа не доказана, то он считается невиновным.
- Скажут - хоть стой, хоть падай. У нас в Славии половину таких аспидников тогда в колодки не посадишь.
- Ладно, оставим пока эту тему. Теперь к личности Инкогнито. Что ты можешь о нем сказать?
- Ну такой, - показал орчук на себе, - может чуть выше эльфийца. Походка у него странная, будто как козел скачет. Ну и, как говорилось, весь в черное обернут. О, еще тросточка у него была, такая худенькая, точно игрушечная.
- Трость? - заинтересовался Меркулов. - А ножны шпажные не заметил?
- Нет.
- Интересно, - затеребил подбородок титулярный советник.

Заметил за господином орчук привычку забавную - чуть задумается, так пальцам волю дает, а они, забавники, бегать начинают или перебирать, что под руку попадет.

- Мне интересно только, в чем заключается его особенность? Почему он так быстро исчезает и появляется? Магия?

- Не дай Бог, господин. Вот уж чего не хватало.

- С другой стороны, слышал я, что у тех же гоблиарцев есть особый вид войск, вроде наших филеров. Только там асы из асов. Могут не есть по несколько дней, появляться и исчезать в любое время, убивать одним движением.

- Неужто из них? - Больше удивился, чем испугался орчук.

Не сказать чтобы он тонких и маленьких гоблиарцев боялся. Давно уже времена прошли, когда одною силою можно было любого одолеть. В Орде или Аховмедии, может, и по старым порядкам заведено было, но это там, куда зеленые коротышки соваться не любили. А в местах, гоблинцами излюбленных, те если не все, то многое могли в свою пользу извернуть. Против такого супротивника иной раз и не знаешь что делать.

- Нам придется как минимум встретиться с этим Инкогнито, чтобы выяснить. Любезнейший, в Столешников переулочек, к полицмейстерству, - отодвинул шторку на раскрытом окне и высунулся Витольд Львович.

Купе ловко покатило по мостовой, проехало Захожую слободу и выбралось на набережную. Уже тут Мих почувствовал странный прогорклый запах, но виду не подал, мало ли чем может вонять от воды. Но чем дальше они ехали, тем горелый дух становился сильнее, пока наконец Меркулов, не обладавший восхитительным орчим обонянием не подтвердил догадку потомка кочевников.

- Пожар!

С этими словами Витольд Львович высунулся из окошка и стал наблюдать. Орчуку, которому тоже было страшно как интересно, пришлось довольствоваться лишь затылком Меркулов. Впрочем, недолго.

- Любезнейший, останови, - послышался голос титулярного советника, явно обращенный к кучеру.

Экипаж вздрогнул и встал. Витольд Львович выбрался наружу, а следом вывалился и Мих. Огляделся - оказались они на Гончарной, местечке хоть и не дрянном, но маложивописном. С одной стороны, тут до Кремля рукой подать, с другой - строения сплошь худые, многие из них составляют кособокие склады, на которые плюнешь - развалятся. Конечно, стала сюда рука генерал-губернатора дотягиваться, те убожества, что ближе к центру города стояли, уже снесли, площадку расчистили и собирались там строить не иначе как добротные дома по последней моде.

Но вот остальные постройки, раскинутые без всякой последовательности и ума, продолжали угнетать взоры благороднейшей публики, которой, к слову, тут было не особо много (а что им тут делать?). Заняться огнем такому безобразию - даже стараться не надо, кинул кто папиросу возле сухой доски или опрокинул невзначай керосинку, и баста.

Мих не понял, что же именно произошло тут, ясно только, что умышленность злодейская - в противном случае не собралось бы столько служивых из его ведомства, полицейских то бишь. Немногочисленных зевак от пожара в сторону отодвинули, хотя уняли красного петуха довольно быстро (разглядел орчук среди пожарных знакомого дворянина, что у великого князя на обеде видел - Телепнев, кажется). Однако недолгое пламя оставило немалые разрушения: будто родилось в центре деревянных строений, проворно съело несколько зданий и, насытившись, успокоилось. Конечно, не без водной магии, по всей видимости.

Посреди этого безобразия стояли знакомые фигуры: Его превосходительства и сразу все три высокородия. Первого полицмейстера, уважаемого Константина Никифоровича, Мих знал; второго, того румяного в очках, видел раз всего, когда к князю ездили. А вот третьего, дюжего молодчика с пышными усами, широкой грудью и красивым мужественным лицом, видел впервые. Ну гусар, чисто гусар, под натиском такого ни одна женщина не устоит. Хотя форма у всех одинаковая, полицмейстеры и есть, ближайшие помощники Его превосходительства.

- Витольд Львович, ты как тут?! - увидев вначале орчука, а потом уже подчиненного, крикнул обер-полицмейстер.

Господин не стал надрывно кричать в ответ, прошел по черной от гари земле и, уже оказавшись достаточно близко, сказал.

- Проезжали, из Захожей.

- А, ты все с аховмедцем...

Голос Александра Александровича выразил всю ту небрежность, какую только мог. По всей видимости, смерть козлоногого действительно представляла не такой большой интерес для Его превосходительства, как нынешняя беда. Мих заключил по обеспокоенному виду обер-полицмейстера, что случилось тут нечто весьма неприятное. То бишь пожар он сам по себе мало хорошего несет, но тут было нечто большее.

- Ваше превосходительство, - подскочил тут городской старшего оклада, выглядевший не молодо, и не особо внушительно, ростом даже ниже румяного полицмейстера в очках, но его груди висела серебряная медаль «За усердную службу», а подобная награда дорого стоит. - Старушка одна, что в хибаре неподалеку живет, говорит, видела человека, отсюда шествовавшего.

- Понятно, что человека, или ты думаешь, я поверить должен, что только обнаружили все похищенное, а оно случайно возьми само да вспыхни? Ты главное скажи, человек был пламенем объят или нет?

- Вот это неясно. Старая она, зрением слабая. По ее словам, вообще все вокруг в огне было.

- Толку нам от подобного свидетеля. Николай Соломонович, - обратился Его превосходительство к бравому полицмейстеру, которого про себя орчук все же стал называть «гусаром», - езжай до Павла Мстиславовича, вежливо, но настойчиво пригласи в Столешников переулок. Нет, лучше сопроводи, скажи: к Александру Александровичу для срочного разговора.

- Ваше превосходительство, у нас и доказательств никаких против Аристовых нет, - вступился Константин Никифорович, - подумайте, каким скандалом дело обернуться может.

- Ой, да куда уж больше?! У меня за спиной Его Императорское Высочество стоит и после каждого шага велит отчитываться. Езжай, Николай Соломонович, за Аристовым, езжай, а уже потом что-нибудь придумаем... Петр Андреевич, - это он уже к «румяному», - оставайся здесь, может, что найти получится еще или свидетелей найдешь.

Пока он это все говорил, заметил Мих одну странную штуку, которую Витольд Львович выкинул. Вот господин вроде стоял, стоял, а потом быстро, как не всякий человек может, наклонился да с земли что-то поднял. Точнее оторвал, запекшееся, в остов сгоревший вросшееся. Орчук разглядеть не успел, только понял, что малозначительная по размерам вещь, не более пяди, серая, сажей покрытая. Но то ладно, увидел что и увидел, но вот потом...

Сунул в карман, ловко, уверенно, как тать заправский, будто всю жизнь только тем и занимался. У орчука аж челюсть разинулась, и глаза на лоб поползли, а Витольд Львович на него взглянул и палец ко рту приложил, мол, помалкивай. Что тут оставалось?

Давеча, еще когда в трактир ходил, думал дорогой Мих, что прикипел вроде к господину. Тот без орчука, как человек из деревни несмышленный, первый раз в городе оказавшийся. Еще подумал и о том, как сможет и закон преступить за Витольда Львович. Славийский закон он что - дышло: куда повернул, туда и вышло. Не всегда со справедливостью водится, порой наоборот. Главное - закон Божий, чтобы по совести жить.

Но теперь орчук смешался. Видел прямо сейчас, что непотребное господин делает, против совести и разума, да промолчал. Тогда и пропал. Кончился Мих как честный человек, как отцом воспитанный, не было его более. Может, стоило еще рот открыть, воспротивиться, да теперь Его превосходительство заговорил, к титулярному советнику обращаясь.

– Поедешь со мной, Витольд Львович, до полицмейстерства. Сейчас со всей этой кутерьмой разберусь, а потом вернемся к нашим баранам. А так с нами посидишь, человек ты неглупый, может даже, подскажешь что. Сейчас Аристова Николай Соломонович привезет, такой кордебалет начнется...

Взял Александр Александрович Меркулова, как доброго приятеля под руку, и повел прочь, после Константин Никифорович пошел, а уже совсем позади Мих. Причем орчук плелся с самым угрюмым выражением лица и твердым решением в ближайшее же время крепко поговорить с Витольдом Львовичем и объясниться.

<http://tl.rulate.ru/book/9351/179665>